

ПРОФЕССОР В. А. РЯЗАНОВСКИЙ

Амир Александрович ХИСАМУТДИНОВ,
кандидат исторических наук

Тема российской эмиграции на Дальнем Востоке заняла прочное место в исследованиях отечественных историков. На различных конференциях, посвященных этой теме, звучит большое количество докладов, издаются монографии. По-прежнему историков волнует судьба эмигранта-интеллигента: что беспокоило его больше всего вдали от родины, как складывался творческий процесс, а главное, что потеряла Россия с уходом Белой армии. Немало интересных самобытных ученых уехали из Владивостока в 1922 г. Особое место среди них занимает профессор юриспруденции и востоковед В.А. Рязановский, написавший много работ по китайскому и монгольскому законодательству (1).

Валентин Александрович Рязановский родился 1 января 1884 г. в Костромской губернии. Учился сначала в гимназии, а потом на юридическом факультете Московского университета. Еще во время учебы Валентин Рязановский проявил себя не только способным юристом-практиком, но и хорошим аналитиком юриспруденции. Поэтому его отправили на двухгодичную учебу в Германию, но он смог поехать только на шесть месяцев. Из заграничной командировки он вернулся с большим багажом знаний и желанием заниматься исследовательской работой, но надо было зарабатывать себе на жизнь. Вначале Рязановский жил в небольшом губернском городе, где трудно было заниматься наукой, и он открыл судебную практику. Но впоследствии тяга к преподавательской и научной работе взяла верх, и Рязановский решает целиком посвятить свою жизнь академической карьере. Начало первой мировой войны он встретил в Ярославле в должности приват-доцента Демидовского юридического лицея по кафедре гражданского права. Там он проработал до 1917 г. Тогда же Рязановский защитил в Донском (бывш. Варшавский) университете диссертацию на степень магистра гражданского права. Вернувшись домой, он стал исполняющим дела профессора по кафедре гражданского права. В то же время подготовил докторскую диссертацию, рукопись которой была утеряна в 1918 г.

Гражданская война перевернула жизнь большей части русской интеллигенции. Одни, воодушевленные новыми идеями, стали строителями советского общества, другие же предпочли влиться в ряды отступавшей Белой армии. Среди последних было немало юристов, которые понимали, что отрицание старых законов ведет к еще большему беззаконию. Осенью 1918 г. В.А. Рязановский вместе с женой перебрался в Томск, где стал профессором юриспруденции Томского университета. Через полтора года он уехал в Иркутск, столицу Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака, и продолжил преподавательскую работу в Иркутском университете. Уже тогда на его счету было несколько интересных работ по юриспруденции. Все свободное время он посвящал оформлению законов белого правительства.

После падения Колчака поздней осенью 1920 г. Рязановские приехали во Владивосток. Здесь для юриста все было внове. В это время только-только стал формироваться Государственный дальневосточный университет, куда Валентин Александрович и решил устроиться на работу, тем более, что там он встретил немало коллег, с которыми работал в Сибири. 17 декабря 1920 г. декан факультета общественных наук С. Николаев представил Рязановского правлению ГДУ для занятия должности исполняющего дела ординарного профессора по кафедре гражданского права. В.А. Рязановский был избран единогласно закрытой баллотировкой (2). Занятия на кафедре он старался чередовать с юридической практикой, став председателем по гражданскому департаменту Владивостокской судебной палаты (3). Парадоксально, но время гражданской войны не было таким уж беззаконным полем в правовом отношении,

как еще совсем недавно представляли. Закон плох, но это закон, — любили говорить в те годы владивостокские юристы, стараясь по мере сил оформлять надлежащим образом все решения белой власти. Не их беда, что правители не всегда прислушивались к их доводам. В.А. Рязановский всегда был в центре дебатов, которые нередко с заседаний правительства переносились в университетские аудитории.

Валентин Александрович Рязановский был преподавателем от Бога. Его мягкий стиль ведения лекций, четкая аргументация привлекали многих студентов ГДУ. «Лекции В.А. читал просто и ясно, — вспоминал один из его учеников, — от студентов требовал знаний, был строг и справедлив, и сдать экзамены в испытательной комиссии, где председательствовал В.А., без серьезной работы было абсолютно невозможно, студенты это знали, уважали его, усердно готовились к экзаменам, и получить на экзамене «удочку» было счастьем, а о «весьма» даже не мечтали (в университетах в России знания студентов оценивались двумя отметками: удовлетворительно («удочка») и весьма удовлетворительно («весьма») (4).

Агония белой власти во Владивостоке подходила к своему естественному концу. В.А. Рязановский и его коллеги хорошо понимали бесперспективность белой борьбы, но сдаваться на милость победителей не хотели. Вместе с остатками армии Дитерихса Валентин Александрович решил отправиться в Харбин. В то время как большинство будущих беженцев паковало чемоданы, профессора ГДУ спешно подводили итоги своей преподавательской деятельности, решив провести ускоренный выпуск студентов. В анналах истории Государственного дальневосточного университета В.А. Рязановский остался последним председателем экзаменационной комиссии ГДУ при белой власти (5).

Одним из научных центров российского зарубежья на Дальнем Востоке стал Юридический факультет в Харбине, первое высшее учебное заведение для беженцев из России. Бытовало мнение, что этот факультет появился на свет случайно. Вряд ли можно считать это справедливым. С одной стороны, среди эмигрировавших из России в Китай было очень много юристов. С другой — русской эмиграции на новой родине требовался правовой фундамент. Вершина деятельности В.А. Рязановского как профессора юриспруденции и востоковеда пришлась на время работы на Юридическом факультете. Это учебное заведение было основано 1 марта 1920 г. под названием Высшие экономико-юридические курсы. С 1 июля 1922 г. курсы стали называться Юридическим факультетом (6) с намеком на то, что впоследствии появятся другие факультеты и будет открыт университет. Под таким названием это учебное заведение просуществовало до своего закрытия, так и не став настоящим университетом.

У истоков Юридического факультета стояли и другие известные люди, например, Н.В. Устрялов. В ноябре 1919 г. после падения Омска он переехал в Иркутск, а затем в Харбин, где занялся подготовкой к печати сборника всех статей омского, иркутского и харбинского периодов по вопросам политики, а также философии революции. С 1920 г. Устрялов стал одним из идеологов сменовеховского течения в эмиграции, выступал за примирение с советской властью.

Первым деканом Юридического факультета был видный юрист Н.И. Миролюбов, на плечи которого легла вся организационная работа. Миролюбов был известным правоведом, одним из руководителей следственной группы по расследованию убийства царской семьи, видным юристом в колчаковском правительстве, он же занимался юридическим оформлением последней белой власти в Приморье. В Маньчжурии Н.И. Миролюбов увлекся изучением китайской юриспруденции и пользовался широкой известностью. «Острой болью, — писала студентка М. Шапиро о кончине Н.И. Миролюбова, — отзовется эта смерть в сердцах всех его бывших учеников. Умер честный патриот — верный сын России, которую он любил со всем пылом своей вечно молодой души. Умер ученый, столь необходимый в будущем своей родине» (7).

После смерти Миролюбова деканом Юридического факультета был единогласно избран В.А. Рязановский. Он отчетливо понимал, какие цели и задачи стоят перед этим учебным заведением, отдавал себе отчет и в огромных трудностях при подготовке будущих юристов. На этом нелегком поприще Рязановский был не одинок. Еще в январе 1920 г. в Харбине появился его коллега, бывший деятель колчаковского правительства Г.К. Гинс. Он читал лекции на Юридическом факультете и готовил по горячим следам недавних событий свою знаменитую книгу «Сибирь, союзники и Колчак», публикуя отрывки из нее в газете «Вестник Маньчжурии» и других изданиях. В те годы внимание русских эмигрантов привлекала полемика между Гинсом и Устряловым, идейным поборником «возвращенства», развернутая на страницах эмигрантских газет «Русское слово» и «Новости жизни». С декабря 1920 по октябрь 1927 г. Гинс под своей редакцией выпускал журнал «Русское обозрение», который должен был стать подобием парижских «Современных записок». Но напряженная работа со студентами и выпуск «Известий Юридического факультета» отвлекали его от журналистской деятельности (8).

Вся организационная часть по устройству Юридического факультета лежала на плечах В.А. Рязановского. Он считал, что русские беженцы нуждаются в юридической помощи, а потому задача факультета — как можно скорее подготовить квалифицированных русских юристов. «Я не сомневаюсь в том, — говорил он студентам, — что пройдет еще несколько лет и в России юридическое образование займет приличествующее ему место, ибо там, где существуют юридические нормы, как бы их ни называть — законами, декретами, указами, постановлениями и т.д., всегда нужны люди, которые могли бы истолковывать эти юридические нормы и применять их к жизни» (9). Рязановский с коллегами еще не догадывался, что нормы права в Советской России трактовались весьма своеобразно. Под влиянием сменовеховцев они думали, что в России возникает новое правовое государство. «Может быть, у некоторых возникает сомнение, зачем на Юридическом факультете преподается старое право в то время, когда вся Россия живет новым правом. В ответ на это скажу, что эти сомнения мне представляются и теоретически неправильными, и фактически неверными. Прежде всего надо отметить, что, строго говоря, нет старого и нового права, а есть единое право, которое живет и развивается; может быть только старое и новое законодательство» (10).

На Юридическом факультете Рязановский читал курсы гражданского права, гражданского процесса, китайского гражданского права, догму римского права и вел семинары по гражданскому праву. В тот период, отмечал историк Юридического факультета Н.П. Автономов, «помимо юридического факультета, было организовано экономическое отделение с тремя подотделами: восточно-экономическим, коммерческим и железнодорожным; организованы Подготовительные курсы для китайских молодых людей, которые по окончании классов могли переходить на Факультет и слушать лекции русских профессоров на русском языке. Значительно разрослась профессорская и преподавательская корпорация — только на Русском факультете, без личного преподавательского состава Подготовительных классов число академических работников доходило до 54. Значительно увеличивается число студентов. Ко времени окончания этого периода студентов, вместе со слушателями Подготовительных классов, было свыше тысячи» (11).

Вот какое впечатление о профессоре Рязановском осталось у одной из его студенток. «Гражданское право, — вспоминала Е. Рачинская, — и гражданский процесс читал профессор Валентин Александрович Рязановский, типичный русский интеллигент чеховского типа, с небольшой бородкой, легкими светлыми волосами, худощавый; он казался человеком не особенно крепкого здоровья. Читал он свои лекции негромким голосом, как бы разговаривая, прохаживаясь по классу из угла в угол» (12).

Как декан Юридического факультета В.А. Рязановский понимал, что невозможно поднять уровень профессиональной подготовки русских юристов, находясь в Маньчжурии. Он помогает своим коллегам отправиться в Париж и защитить диссертации перед авторитетной комиссией Русской академической группы. В 1925 г. там защищает диссертацию «Очерки государственного права Китая» заведующий кафедрой административного права В.В. Энгельфельд. Через четыре года успешно защищает диссертацию «Водное право» и Г.К. Гинс.

Рязановский старался поддерживать отношения и с учеными из советской России. Свидетельством этому является его переписка с известным востоковедом В.М. Алексеевым. Рязановский посылал ему новую литературу, образцы китайского письма, некрологи известных китайских деятелей, которые могли пригодиться для занятий. Алексеев писал Рязановскому, что смотрит на профессоров Юридического факультета как «на форпост русской науки и культуры». В.А. Рязановский огорчался, что так и не смог завязать официальных отношений с Академией наук СССР, которую харбинские ученые считали своим научным центром. Когда в 1927 г. академик В.Л. Комаров был проездом в Харбине, Рязановский встретился с ним и вручил все труды Юридического факультета. Он попросил Комарова организовать обмен литературой, но из этого ничего не получилось.

Отдушиной для Рязановского была переписка с Алексеевым. «В частности, в 1923 г. фак-т по моему предложению, — писал он, — ввел преподавание кит. языка и изучение его (это область китаеведения была в особом загоне). Под моим неустанным наблюдением происходит оно и до сих пор и скоро будут выпущены новые труды по китайскому уголовному, административному и торговому праву (если у Факультета будут средства) и т.д. В качестве декана я способствовал открытию при Факультете в 1925 г. экономического отделения, а в 1926 г. — восточного отдела, т.е. краеведческому уклону Факультета в более широком масштабе. В частности, состою и одним из редакторов задуманного большого труда по китаеведению. За последние годы, несмотря на ответственную работу на КВЖД, на администраторские обязанности по Факультету, на преподавательскую работу (нагрузка, как видите, немалая), я все же кое-что сделал и в области науки. Кроме большой работы — лекции по гражданскому праву (участник в 5 выпусках, около 500 стр., изд. 1922—1924), ряд очерков и статей по гражданскому праву и процессу — я напечатал ряд больших и малых работ по монгольскому и китайскому праву <...> Недостатком моих последних работ, между прочими недостатками, является и незнание восточных языков. Я изучал в свое время монгольский язык и начал здесь изучать китайский, но недостаток времени не дал мне возможности довести эту работу до желательных результатов <...> Должен признаться, что, состоя пятый год деканом Факультета в местных условиях и наряду с другой работой, я уже начинаю выбиваться из сил и нуждаюсь в передышке и мечтаю о том, когда можно будет в сравнительно спокойной обстановке, не торопясь между мелкими заботами дня, научно поработать. Должно быть, никогда <...> Чувствуя силы и способности на большее, принужден был все эти годы ограничиваться возможным и только мечтать о большой научной работе. А время идет, годы уходят, и силы убывают (сегодня как раз исполнилось 45 лет)» (12).

Невзирая на внутреннюю неудовлетворенность, Рязановский продолжал большую организационную работу. В 1926 г. он сделал доклад о деятельности факультета. «Восточно-экономический подотдел носит краевой характер, имеет целью создать образованных деятелей в различных областях и, главным образом, в экономической здесь, на месте. В Маньчжурии сталкиваются экономические интересы Китая, России и Ниппон. В силу этого подотдел подразделяется на два цикла: китаеведения и ниппоноведения. Здесь, кроме основных экономических и юридических дисциплин, преподаются: география Восточной Азии (главным образом Китая и Ниппон), история Восточной Азии, этнография Восточной Азии, экономическая география Восточной Азии, исто-

рия культуры Китая, государственное право Китая и Ниппон, гражданское право Китая и Ниппон, международные отношения в Восточной Азии, пути сообщения Восточной Азии, банковская и денежная система Китая, экономика хозяйства, торговли и промышленности Маньчжурии, английский язык, ниппонский язык и др. Для экономиста, желающего работать на Дальнем Востоке, мы даем сведения по географии, истории, этнографии, праву, экономике стран Дальнего Востока (главным образом Китая и Ниппон) и мы будем учить его, главным образом, разговорному языку и затем уже современному литературному китайскому или ниппонскому языку. Наша цель практическая: дать возможность таким лицам работать в крае и в пределах этого» (13).

С осени 1926 г. Рязановский открывает на экономическом отделении факультета восточно-экономический подотдел, (в придачу к уже существовавшему в восточно-юридическому). Некоторые предметы велись на китайском языке. В стенах Юридического факультета трудилось немало профессоров и преподавателей, которые занимались проблемами Китая. Свидетельство тому — многочисленные публикации на китайскую тему в «Известиях Юридического факультета». В 1938 г. под общим названием «Право и Культура» вышла статья приват-доцента И.Г. Баранова об истории постройки конфуцианского и буддийского (Цзи-лэ-си) храмов, которые располагались по соседству с Новым кладбищем в Харбине. Учительная большой интерес к Востоку, в 1931 г. на факультете были открыты курсы китайского и японского языков во главе с С.Н. Усовым, для которого китайский язык был родным с детства. Закончив экстерном восточно-экономический подотдел Юридического факультета, он опубликовал серию учебников и учебных пособий по китайскому и русскому языкам, иероглифике, фонетике и фонетическим упражнениям, методике преподавания языка (14).

Безусловно, русские профессора-эмигранты хотели бы получить отклик на свои работы с родины. В.А. Рязановский имел очень много рецензий и откликов на свои труды со всего мира. За вклад в науку он был избран почетным и действительным членом многих обществ (Royal Asiatic Society и др.). Но ни единого слова — ни доброго, ни худого — не получил он из России. Рязановский писал с горечью В.М. Алексееву: «Но русские юристы и восточники не обмолвились ни словом. И в результате все мои коллеги уже бросили изучать кит. и монг. право: нет смысла тратить свои последние деньги на книги, которые никто не читает и знать не хочет. Я один еще продолжаю работать над монг. правом, но и у меня (к 25-летнему юбилею) начали опускаться руки. Меня не читают, даже специалисты. Ясно: я не нужен на родине» (15).

С весны 1929 г. положение Юридического факультета начинает ухудшаться. 2 марта он переходит под китайское управление с назначением ректора — китайца, хотя первоначально власти и утверждали, что ничего подобного не произойдет. В.А. Рязановский принимает решение уйти со своей должности. В знак признания его заслуг перед факультетом было постановлено избрать его почетным членом совета профессоров и вывесить портрет в помещении Юридического факультета. «Расскажу маленький эпизод, — вспоминал профессор И.С. Заверняев, — характеризующий исключительную популярность и удельный вес В.А. в оценке студентов. Весной 1934 г. государственные экзамены закончились около 25 июня, и это был последний выпуск, в котором В.А. был председателем испытательной комиссии, так как он официально заявил об уходе с поста председателя комиссии с 1 июля 1934 г. По традиции дипломы об окончании должны быть отпечатаны в типографии для каждого окончившего отдельно. По наведенным справкам в типографиях эту работу смогли бы выполнить только в две недели. Мы решили просить В.А. подписать наши дипломы, отпечатанные на пишущей машинке, до 1 июля, чтобы, когда дипломы будут отпечатаны в типографии после 1 июля, перенести его подпись на эти дипломы. На нашу просьбу В.А. ответил коротко: Господа, последним днем моей подписи будет 30 июня. Вы, юристы, должны понимать это. До свидания, господа!

Мы вышли от него чрезвычайно огорченные и раздосадованные... Уж было 28 июня! Что было делать, Я решил попробовать еще раз поговорить с типографиями и ... О, чудо! Утром 29-го в одной маленькой типографии один печатник согласился сделать это, но только при условии, что он будет работать после закрытия типографии, как сверхурочную работу и что мы сами будем корректировать. Его хозяин дал свое разрешение, и мы трое явились в типографию после 6 часов вечера. Печатник, молодой человек, оказался толковым работником: он сам набирал текст, давал нам корректуру, мы правили и работа закипела... к утру были отпечатаны все дипломы! В 9 часов утра 30 июня секретарь испытательной комиссии профессор Никифоров подписал наши дипломы, и в 11 ч. мы уже звонили у двери квартиры профессора Рязановского. За письменным столом в своем кабинете сидел В.А. и, холодно смотря на нас, отрезал раздраженно:

— Господа, я же сказал Вам... Но мы не дали ему окончить фразу, полжив перед ним наши дипломы. Когда он начал читать первый диплом, то постепенно с его лица ушло раздражение, перешло в недоумение и появилась приятная улыбка.

— Ну, поздравляю, господа! — уже мягко говорил В.А., закончив подписывание документов и пожимая руки на прощание. Надо сказать, что В.А., всегда такой холодный, строгий и даже суровый на вид, при улыбке весь как-то преобразался, лицо его делалось мягким, добрым и очень привлекательным» (16).

Жить в Харбине становилось все труднее и труднее. С одной стороны чувствовалось засилье китайской администрации, с другой — усиливалась регламентирующая роль японцев. Для контроля за эмигрантами из России японская администрация учредила Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии. Не смирившись с этим давлением, многие начали разъезжаться. 1 июля 1934 г. покинул Юридический факультет Н.В. Устрялов, который с группой профессоров принял советское гражданство. На следующий год вместе с некоторыми работниками КВЖД он вернулся в СССР, где устроился на работу преподавателем Московского института инженеров транспорта. Устрялов был арестован 6 июня 1937 г., а 14 сентября 1939 г. его приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. Устрялова реабилитировали только 20 сентября 1989 г.

Г.К. Гинс после закрытия Юридического факультета устроился на работу в Харбинский коммерческий институт, а 30 июня 1941 г. уехал из Харбина в Сан-Франциско. Перед своим отъездом он дал интервью местной газете: «Уезжать из города, в котором прожито больше 20 лет, в котором так хорошо жилось, с которым связано так много воспоминаний и в котором остается так много сердечных друзей, нелегко. Уезжать в страну, где совсем другой быт, где нет перспектив работать, пользуясь русским языком и для русского населения — страшно. В моем возрасте нелегко начинать жить сначала» (17). 23 ноября 1971 г. он уйдет из жизни (18).

Трагически переживет закрытие Юридического факультета, которое произошло 1 января 1937 г., его последний декан Владимир Викторович Энгельфельд. Он призывал коллег, несмотря ни на что, продолжать работу и искать новые пути в жизни и в науке. Но самому ученому этот поиск оказался не по силам: 2 апреля 1937 г. по дороге на занятия по японскому языку у него произошел инфаркт (19).

В.А. Рязановский с семьей сначала уехал в Тяньцзинь, где занимался преподавательской деятельностью. Он продолжал издавать свои труды, публиковал критические статьи. Понимая, что японская оккупация не позволит ему плодотворно заниматься академической деятельностью, он решает навсегда переехать в США. В Америке Рязановский не успокоился на достигнутом. Все свое свободное время он посвящал работе над теорией русской культуры. Валентин Александрович хотел успеть передать свои идеи подрастающему поколению русских эмигрантов. Еще в Маньчжурии он делал наброски. Тогда

Рязановский писал: «Хотя вопрос о влиянии на нашу культуру вообще и правовую в частности востока и в особенности монголов — как мы видели — неоднократно поднимался и разрешался нашей наукой, однако еще раз подчеркнуть значение этого вопроса, снова поставить его на обсуждение и подвергнуть ревизии представляется в наши дни переоценки личных ценностей вполне уместным и своевременным» (20). Соавторами в этой работе стала его жена, написавшая раздел об языке, а старший сын написал главу о Владимире Соловьеве (гл. VII) и об отношениях России и Соединенных Штатов (гл. IX).

Вскоре «Обзор русской культуры» увидел свет. «Очерк носит общий характер, — писал он в предисловии. — Углублению автора в рассматриваемые им вопросы мешал, прежде всего, недостаток в распоряжении автора необходимых пособий, относящихся к теме работы, как старых пособий, так в особенности изданных за последние десятилетия главным образом советскими учеными. Кроме того, самый объем темы делает такую углубленную и более детальную работу непосильной для одного человека, хотя бы и поставленного в лучшие условия для выполнения такого труда, чем автор» (21).

Несмотря на тяжелейшую болезнь, Рязановский прожил долгую жизнь. Насыщенная преподавательская деятельность сменялась лекционной работой, подготовкой к изданию новых рукописей и воспитанием детей. Сейчас трудно судить, сумел бы Рязановский, работая до конца своего творческого пути в России, воплотить в жизнь все задуманное им и написать столько, сколько он написал. К сожалению, многое из начатого так и осталось в рукописях. В определенной мере не подведены итоги по восточному праву. Безусловно, сказало и то, что В.А. Рязановский часть творческой жизни прожил вне русской профессорской среды, но то, что он оставил нам, свидетельствует о его огромном таланте и нуждается в переосмыслении. Трагизм людей, подобных Рязановскому, и заключается в том, что их творчество прошло мимо отечественных востоковедов, юристов и культурологов. Валентин Александрович Рязановский скончался 19 февраля 1968 г. в Окленде. Жена Рязановского пережила его на семь лет. Нина Федоровна была известным литератором русского зарубежья. Их сыновья стали известными учеными. Николай Валентинович родился 21 декабря 1923 г. в Харбине. Ныне он профессор русской и общеевропейской истории в университете в Беркли, автор таких известных книг, как «Россия и Запад» и др. Его младший брат — профессор Пенсильванского университета Александр Валентинович также родился в Харбине 7 декабря 1928 г., он считается одним из лучших специалистов по древней русской истории.

Нельзя сказать, что имя В.А. Рязановского забыто. По его книгам о русской культуре занималось не одно поколение американских славистов. Время от времени биография ученого появлялась в соответствующих справочниках (22). Из них-то автор этой статьи и узнал о Рязановском и, заинтересовавшись личностью этого человека, при первой же возможности, приехав для научных занятий в Гуверовский институт, постарался встретиться с его сыном. Николай Валентинович сразу же откликнулся на просьбу. Разговор начался в его кабинете, а продолжился в небольшом университетском кафе. Именно там профессор и поделился со мной сведениями о своем известном отце. Завязалась переписка, в результате которой и родилась эта статья.

1. Скачков П.Е. Библиография Китая / АН СССР. Ин-т народов Азии. М., 1960. С.668 (15 назв.); Мелихов Г.В. Предисловие // Вопр. ист. 1993. №7. С.152—155; Сонин В.В. Жизнь и деятельность российского профессора-эмигранта. В.А. Рязановского (1884—1968 гг.) // Вологдинские чтения: науч.-техн. конф. Международная политика и право. Процессы гуманизации и гуманитаризации: Тезисы докладов. Владивосток, 1998. С.23—24.

2. ГАПК. Ф.117. Оп.3. Д.3. Л.42—43.

3. Решения Владивостокской судебной палаты за 1921 г. Владивосток, 1922.
4. Заверняев И.С. Памяти профессора В.А. Рязановского //Русская жизнь. 1968. 26 июня.
5. Дальневосточный университет //Русский край. Харбин, 1924. 16 апр.
6. Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине: (Исторический очерк) //Право и культура: Сб. в ознамен. восемнадцатилетнего существования Юридического факультета в г. Харбине. 1920—1937. Харбин, 1938. С.8.
7. Ш. Мария [Шапиро]. Памяти учителя //Русское слово. Харбин, 1927. 1 марта.
8. ГАХК. Ф.830. Оп.3. Д.4459. Л.1—2.
9. Там же. Д.2014..4.
10. Там же.
11. Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине... С.23.
12. Рачинская Е. Калейдоскоп жизни: Воспоминания. Париж: YMCA-PRESS, 1990. С.180—181.
13. АПОРАН. Ф.820. Оп.3. Д.699. Л.6—7.
14. ГАХК. Ф.830. Оп.3. Д.2014. Л.5.
15. Архив ПОИВ. Ф.820. Оп.3. Д.143. Л.5, 5об.
16. Там же. Д.699. Л.35 об.
17. Заверняев И.С. Памяти профессора...
18. ...Я с готовностью вернусь назад. Прощальная беседа с профессором Г.К. Гинсом //Заря. 2 июля.
19. Автономов Н.П. Некролог: памяти профессора Г.К. Гинса //Русский язык. 1971. С.40—43. США.
20. Никифоров Н.И. Профессор В.В. Энгельфельд //Право и культура. С.8., 85—86.
21. Рязановский В.А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру. Харбин, 1931. С.4.
22. Рязановский В.А. Обзор русской культуры: Ист. очерк. США. 1947. Ч.1. Л.5.
23. Зернов Н. Русские писатели эмиграции: Биогр. сведения и библиогр. их книг по богословию, религиозной философии и православной культуре. 1921—1972. Boston, Mass: G.K. Co., 70. Lincoln Street, 1973. С.111—112.

СОЧИНЕНИЯ В.А. РЯЗАНОВСКОГО

1. В.Р. Правовое положение русских в занятых Японией местностях в Сахалинской области. Владивосток, 1921. 58 с.
2. Лекции по гражданскому праву. Вып. 1-5. Харбин, 1924. 500 с.
3. Единство процесса: Очерк. Харбин, 1924. 57 с.
4. Основные институты китайского гражданского права. Харбин, 1926. 82 с.
5. Современное гражданское право Китая. Вып.1. 1926. 196 с.; Вып.2. 1927. 107 с.
6. Fundamental Institutions of Chinese Civil Law. 1926. 74 p.
7. The Modern Civil Law of China. Part 1. 1927. 189 p. Part II. Harbin: Harbin Daily News Press, 1928. 145 p.
8. Основные начала земельного, горного и лесного права Китая. Харбин, 1928. 135 с.
9. К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право. Харбин, 1931. 31 с. (Отд. отд. Из «Изв. Юрид. ин-та». Т.9); Переизд. /Предисл. Г.В. Мелихова //Вопр. истории. 1993. №7. С.152—163.
10. Монгольское право (преимущественно обычное). Харбин, 1931. С. 306, 42 с.
11. Customary Law of the Nomadic Tribes of Siberia. Tientsin, 1938. 151 p.
12. Обзор русской культуры: Ист. очерк. 1947—1948; Ч.1. 1947. 639 с.; Ч.2. 1947. Вып.1. 557 с.; Ч.3. 1948. Вып.2. 213 с.

При написании статьи были использованы гранты от Гавайского университета (Arthur L. Andrews Distinguished Visiting Professor of Asian and Pacific Studies Chair. 1992) и ACTR (American Council of Teachers of Russian. Reserach Program for Regional Russian Scholars. 1995).

SUMMARY: «Defending the Rights of Treated Unfairly» is the title of the article by Candidate of Historical Sciences A. Khisamutdinov. It is devoted to orientalist, professor of law V.A. Ryazanovsky. Quite a lot of distinguished scholars went abroad from Vladivostok in 1922. V.A. Ryazanovsky ranks high among them. He is the author of a number of works on Chinese and Mongolian legislation, and a brilliant lecturer.